

Прокофьева Ирина Олеговна

ЦАРСТВО МЁРТВЫХ, КЛАДБИЩЕ РАЗРУШЕННЫХ СУДЕБ И НАДЕЖД В ПОВЕСТИ И. САВЕЛЬЕВА "ГНАТЬ, ДЕРЖАТЬ, ТЕРПЕТЬ И ВИДЕТЬ"

Настоящая статья посвящена анализу повести талантливого уфимского писателя И. Савельева "Гнать, держать, терпеть и видеть", в которой молодой прозаик соединяет картины реального и нереального мира, живое и мёртвое, создаёт парадоксальное пространство, в котором отсутствует любое движение, а время остановилось. Статья выявляет особенности сюжета и композиции, образной системы и системы мотивов, системы приемов и библейских ассоциаций, используемых прозаиком в повести, раскрывает идейно-эстетическое своеобразие данного художественного произведения.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2013/8-1/38.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 8 (26): в 2-х ч. Ч. I. С. 135-138. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2013/8-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

которая, по поверьям, успокаивает больного ребенка. *Надо бежать в двенадцать ночи на речку и без оглядки нести угомонну воду. Угомонна вода – успокоительная. Сбегала за угомонной водой, отлили, умыли. Угомонной называется вода, когда без оглядки к реке бегаешь. Этой водой от испуга лечат* [Там же].

Языковая картина мира дальневосточника состоит из образов причудливой природы, тайны которой он постигает через метафоризацию: олицетворения, фразеологизмы. Амурские казаки были наблюдательны, поэтому цикличность природы (фазы луны, смена времен года) породила в сознании носителей диалекта приметы, которые по речевому оформлению образны, а в силу повторяемости воспроизводимы, что неизбежно придает устойчивым выражениям статус фразеологизма. Метафоры, называющие природные явления, мотивированны: «признак, который положен в основу номинации, указывает на то, что стало для языкового сознания существенным, на тот аспект явления, благодаря которому возможно его целостное понимание. Внутренние формы слов отражают систему стереотипных представлений, сложившихся в обществе» [3, с. 8]. Фактический материал словаря подтверждает, что в метафоре можно увидеть ключ к пониманию основ мышления и специфического видения мира определенного языкового коллектива, понять рожденные и выраженные метафорой образы.

Список литературы

1. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М.: Русский язык, 1998. 665 с.
2. Галимова Д. Н. Метафорическая картина мира русских говоров Амурской области: структурный и функциональный аспекты: автореф. дисс. ... кандидата филологических наук. Томск, 2010. 26 с.
3. Кукса Т. А. Метафорические модели как компонент идеографического поля (на материале слов, определяющих физическое состояние человека): автореф. дисс. ... кандидата филологических наук. Ростов-на-Дону, 2007. 24 с.
4. Словарь русских говоров Приамурья / авт.-сост.: О. Ю. Галуза, Ф. П. Иванова, Л. В. Кирпикова, Л. Ф. Путятин, Н. П. Шенкевец. Изд.-е 2-е, испр. и доп. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2007. 544 с.
5. Телия В. Н. Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира. М.: Наука, 1998. 179 с.

METAPHORIZATION OF NATURAL PHENOMENA IN RUSSIAN DIALECTS OF AMUR REGION

Prikhod'ko Viktoriya Konstantinovna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Far-Eastern State Classical University
ulius-viktoria@mail.ru

The author discusses figurative vocabulary and phraseology presented in the Dictionary of the Russian dialects of Amur region, considers the process of natural phenomena metaphorization (rain, snow, sun, moon, water) as the specific perception of the world in dialect personality's consciousness, describes some types of metaphorical transfers: personification, epithets; reveals the semantics of set phrases, denoting various natural phenomena, shows the cases of tropes convergence, and researches the vocabulary and phraseology of the Russian dialects of Amur region from the point of view of speech expressiveness.

Key words and phrases: metaphor; phraseological unit; personification; dialecticism; language picture of the world; convergence; dialect personality; set phrases.

УДК 821.161.1

Филологические науки

Настоящая статья посвящена анализу повести талантливого уфимского писателя И. Савельева «Гнать, держать, терпеть и видеть», в которой молодой прозаик соединяет картины реального и нереального мира, живое и мёртвое, создаёт парадоксальное пространство, в котором отсутствует любое движение, а время остановилось. Статья выявляет особенности сюжета и композиции, образной системы и системы мотивов, системы приемов и библейских ассоциаций, используемых прозаиком в повести, раскрывает идейно-эстетическое своеобразие данного художественного произведения.

Ключевые слова и фразы: система образов; система мотивов; библейские ассоциации; своеобразие пространства и времени.

Прокофьева Ирина Олеговна

Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы
kazahenko2010@mail.ru

ЦАРСТВО МЁРТВЫХ, КЛАДБИЩЕ РАЗРУШЕННЫХ СУДЕБ И НАДЕЖД В ПОВЕСТИ И. САВЕЛЬЕВА «ГНАТЬ, ДЕРЖАТЬ, ТЕРПЕТЬ И ВИДЕТЬ»©

Повесть «Гнать, держать, терпеть и видеть» опубликована в январском номере «Нового мира» 2007 года. Это одно из самых интересных произведений И. Савельева, в котором он создаёт парадоксальную картину мёртвого мира, мира, в котором рушатся судьбы, царит безысходность, нет надежды на счастье. Это зона,

из которой нельзя вырваться. Выявить средства и способы создания «царства мёртвых» в тексте молодого уфимского прозаика – основная задача нашей статьи.

Уже в первую главу повести автором вводятся мотивы холода, смерти, одиночества, которые позже получают своё развитие в тексте. Действие в произведение разворачивается в замкнутом, зажатом пространстве. Предметный мир, вещные детали помогают создать картину убогого, нищенского существования. Чётко организовано пространство, в котором находятся герои повести. Время в нём как будто остановилось.

Начинается действие повести в подъезде, в котором «стены бледные, побитые. Замученная побелка. Весь подъезд – как обмороженный» [7, с. 8]. В этом «живописном», выстуженном морозом месте молодые люди собрались распить бутылку водки, запивая её «ядовито-дешёвой» газировкой. Но бдительная старушка (такая есть в каждом подъезде дома, находящегося в спальном районе большого или маленького, провинциального или не очень городка) выгоняет ребят на улицу, грозя милицией. Хотя приятелям уже и так пора: скоро похороны друга.

«Автобус стоял ещё долго. Как и подъезд, он был обманом, фикцией – не грело ведь ни черта. Говорят, что смерть заползает в человека с ног? – пожалуй. За окном всё толпились; плавали и колыхались венки, в которых, снегу ли благодаря, ощущалась неуместная какая-то... новогодность? Один веночек вкатили в их автобус. В проход прислонили, как запасное колесо. Листья венка смотрелись так толсто и пластмассово, даже издали, что минус двадцать им шло» [Там же, с. 9]. Друга Костярина похоронили в Лодыгино. «Глухой окраинный посёлок, давший имя огромному кладбищу. Оно, конечно, называется Западное, но <...> Какая странная судьба. Быть дырой в две с половиной улицы <...> Собрать под худыми крышами бог знает кого... Стать ма-аленькими воротами большого кладбища... Уступить ему – схватка явно неравная! – своё имя, да что там, уступить самой смерти, потому что «Лодыгино» в языке горожан – однозначно её синоним...» [Там же, с. 10].

В Лодыгино, в этом мрачном месте, которое ассоциируется со смертью, и будут происходить основные события повести. В начале второй главы появляется лёгкое недоумение: друзья, таскаясь по парку ранним майским утром, решают поехать к Костярину и навестить его. После первой главы, в которой рассказано о похоронах Кости, возникает ощущение фантазмогоричности всего происходящего, смещения вектора реальности в сторону нереального, странного, туманного. И это чувство не покидает даже тогда, когда мы понимаем, что вместе с героями вернулись в прошлое, и речь идёт о событиях, которые были ещё до смерти Кости.

Это происходит, наверное, потому, что у нас во время чтения повести возникает больше вопросов, чем ответов. Мы так и не узнаём из текста произведения, почему Костярин попал в Лодыгино, почему оттуда нельзя вырваться и, наконец, почему люди, «перевезённые в посёлок, ютятся в домишках-развалюхах» и живут там, как на режимном объекте, и, главное, как умер Костя. Может быть, всё это не так важно для писателя, и цель повествования скрыта в другом. Лодыгино воспринимается как некая зона, которая не отпускает тех, кто попал туда по каким-либо причинам. Возможно, околкладбищенский посёлок, жизнь которого подчинена кладбищенской индустрии, – это метафора. Наш мир, по мысли автора, – замкнутое, закрытое пространство, подчиняющееся жёстко регламентированному распорядку жизни. Познакомимся с теми, кто населяет это убогое, странное место.

Итак, Никита, Олег и его девушка Ева поехали к Косте на майские праздники. Там у Никиты рождается план побега друга из Лодыгино. Но беглецов вернули назад, потому что, как оказывается, из кладбищенского посёлка сбежать нельзя. Друзья хотели прорваться к трассе, а оказалось, что они шли по кругу. «Мотороллер приближался, можно было рассмотреть и Арсения Ивановича, с его-то угловатым бритым черепом, невнятного его подручного: когда под ногами пассажиров грохотали на кочках ломы и лопаты, зритель жмурился и выглядел он даже дружелюбным. Подъехали с сизым чихом заглушили мотор.

– Ну что? Доброе утро! Недалеко же вы ушли. А дальше и нельзя. Неужели вы не поняли?.. Посмотрите на своих-то.

Костя и Кузьмич не держались на ногах» [Там же, с. 31].

Параллельно в повести развивается и любовная линия: между Евой и Костей возникает чувство, Олег ревнует, затевает драку с товарищем, а миротворцем между ними выступает Никита. Собственно, на этих незамысловатых событиях строится сюжет повести И. Савельева «Гнать, держать, терпеть и видеть».

Кроме четырёх уже перечисленных нами персонажей, в Лодыгино мы встречаемся с новыми: Арсений Иванович – смотритель кладбища, осуществляющий надзор над «жилльцами» посёлка и прибывшими туда гостями; Кузьмич, о котором забыли его дети, никому не нужный «на большой земле», бывший фронтовик, бежавший в Польшу из фашистского плена; баба Маша, последняя любовь Кузьмича, спасающаяся в Лодыгино от внука, отнимавшего у неё деньги и чуть было не убившего «любимую» бабушку топором. Таким образом, получается, что в посёлке, примыкающем к кладбищу, живут неприкаянные и отверженные люди. Автор в портретах героев, являющихся частью кладбищенского мира, и тех, кто туда только приехал, подчёркивает жёлтый цвет их кожи, как будто перед нами не живые люди, а покойники. Например, у Арсения Ивановича «жёлтые, как свечки, выструганные руки», так пугающие Еву при первой встрече с ним, а у бабы Маши «вдруг пожелтевшее» лицо, «с растарашенными глазами» в тот момент, когда ей показалось, что она увидела своего внука, приехавшего на кладбище. С одной стороны, перед нами мир живых, а с другой – мёртвых [Там же, с. 12].

Теперь становится понятным, почему Олег в начале текста (первая глава) думает о том, что хорошо было бы, если бы люди не умирали, а просто переселялись в Лодыгино. «Пускай без права выезда. Пусть как в тюрьме. Домишки с огородами... Пусть! И сейчас бы ехали как на праздник. Счастливая кавалькада, с вещами, может быть, и с мебелью... В эти дни судорожно бегать, заказывать не гроб, а, допустим, срочно –

шкаф и кровать. И в гости приезжали бы – каждый месяц» [Там же, с. 10]. Далее этот же герой, поражённый убожеством жизни лодыгинцев, ужасается «Неужели всех такое ждёт?!» (третья глава), и в восьмой главе Костя разъясняет приятелям, правда неохотно, принцип существования в Лодыгино. «Как только человека забывают –на большой земле», его выселяют из посёлка. Что называется –на выход с вещами». Куда?.. Неизвестно, да и знать не особо хочется» [Там же, с. 25]. А затем следуют слова повествователя о том, что у молодых больше шансов продолжительное время задержаться в Лодыгино: «Их помнят до-олго... По настоящему Костя волнуется только за Кузьмича. Кому он нужен, что там, что здесь. Дети позабыли... А вот с бабой Машей-то как раз всё в порядке. С убийствами особая –фишка». Ведь пока виновный отбывает наказание, о человеке, получается, помнят, да?..» [Там же].

И, наконец, в финале повести, когда ребята, прихватив с собой Кузьмича, пытаются сбежать, плуτούν по лесу, постоянно натываясь на «кладбищенский край». Напомним, Арсений Иванович, настигнув сбежавших, говорит, что уйти «дальше нельзя». А «Кузьмич и Костя оба ввали в какое-то отрешение, в полуморок, они еле двигали ногами, внятно ни на что не отвечали» и вообще напоминали живых полумертвецов (последняя десятая глава) [Там же, с. 30]. «Режимный объект», «западный мегаполис», Лодыгино не отпускает, цепко держит своих пленников.

Интересные ассоциации вызывает в повести образ Евы. Имя героини прямо указывает на библейский персонаж, прародительницу всех женщин.

Ева упоминается уже в самом начале повести в эпизоде похорон Кости. «– Ну, что, Олежек. – С трудом отдышавшись, Никита всё-таки продолжил этот разговор, чуть фальшивый в своей грубости – даже голос немножко другой. – Вот ты скажи, ты с Евой уже спишь?.. Господи, назвали же родители девочку» [7, с. 8]. Мотив грехопадения и связанные с ним мотивы измены и предательства возникают в повести неоднократно. Ева, оставшись с Костей наедине в его разваливающемся домишке, слушая его песни, влюбляется в него. «Словно пробил стену», – так говорит о чувствах героини автор. Поистине с милым рай и в шалаше, хотя шалаш намного уютнее ужасной Костиной комнаты с «жухлыми обоями» (как жухлые листья на кладбище). Но даже после признания в любви лица Кости и Евы остаются «похоронными», так как оба чувствуют, что они вкусили запретный плод: полюбив друг друга, они перешли черту, они предали Олега.

Еве было так страшно ехать в Лодыгино, она «чуть не плачет», когда вместе с Олегом и Никитой попадает туда, «её пугает всё: в её деревянном смущении», «ужас поднимался в ней, бурля, как тёмная вода» [Там же, с. 18]. Так, писателем с помощью точных ремарок передаётся состояние героини, которое доходит поначалу до отчаянья.

Библейские ассоциации должны вызвать у читателя, например, и такие выражения в речи повествователя как «инстинкт единственной женщины у Евы» (героиня, движимая этим инстинктом, начинает заниматься убогим хозяйством в домишке Кости), «желтоватые ноги яблочной чистоты» [Там же, с. 15], героиня идёт босой по траве около дома Костярина и т.п. А «яблочная чистота» – практически прямая аллюзия с библейским сюжетом грехопадения Адама и Евы, вкусивших запретный плод.

И, наконец, ещё один важный момент: Еве удалось вернуть к жизни Костю. Такое открытие для себя делает Олег, он почти уверен, что, не будь Евы, тот, возможно, не согласился бы на побег из Лодыгино. «И тут впервые резанула мысль <...> не к ней ли, не с ней ли он вообще бежит, не она ли, часом, его вернула к жизни? Этому-то как можно мешать? –Верёвками, цепями? ... Да ведь всё равно, что убить. Своими же руками!» [Там же, с. 30]. Эти размышления Олега вводят в повесть новый подтекст, связанный с героиней. Ева становится воплощением самой жизни и любви, любви возвращающей и возрождающей. Ева даже готова остаться с Костей в посёлке, если бы ей разрешили. Но всё же в противостоянии мёртвой действительности героиня проигрывает. Она бессильна, не в состоянии вырвать любимого у Лодыгино (раз позже Костя умирает) и из рук смерти. Неужели в большом городе уже нет никого, кто помнит его?

В повести И. Савельева «Гнать, держать, терпеть и видеть» только два эпизода, на наш взгляд, написаны в реалистической манере: похороны Кости и встреча нового года Олегом и Евой с друзьями.

Эти фрагменты картин реального мира связывают с миром нереальным мотив холода и фальши. «Приблизилось время. Президент весь цепкий, жёсткий, кашеёво стареющий – ему год за два, а народ перед салатами да телевизором как регулярный экзамен принимает на молодость и внешность. Куранты. Состоялось. И можно отплеваться от густой, фальшивой пены, от пафоса фальшивого, нормально праздновать и пить» [Там же, с. 20].

И хотя в указанных нами фрагментах события происходят зимой, а в Лодыгино царит весна, скоро девятое мая, и там, и там бесприютно, холодно и сумрачно, а героев не оставляет ощущение, что всё происходящее с ними – сон, наваждение, «сумеречный бред». Слово «бред» достаточно часто характеризует состояние героев повести.

Героям часто приходится играть, «напрягаться голосом и лицом», ощущая неестественность происходящего вокруг. Олег «собирает лицо», он делает всегда так, когда, выпив, изображает трезвого. Еве приходится «работать лицом», скрывать в эпизоде попойки друзей, их «ублюдочного пьянства» свои настоящие чувства (она заплачет только тогда, когда отключат электричество и Ева в полной темноте «отпустит» слёзы). Никита притворяется, что ничего не случилось, и что он не догадывается о том, что Олег знает об их с Евой поцелуе, и т.д. Мир, в котором существуют герои И. Савельева, полон не только фальши, холода, одиночества, он искажён полностью, и то, что должно рождать жизнь (например, молодость, чувства), несёт смерть. А это значит: мир мёртв, и он зона смерти, а не жизни.

И над всем этим поют птички, как в раю или, скорее, как на погосте. И на самом деле нигде, как на кладбище, так звонко не звучат голоса птиц: «Было рано. Пели птички. Прислоненные к забору, стояли огромные

кресты из морёных дубовых балок»; «между тем пели птицы, так что угадывался простор, ветер, действительно свежий, танцевал с занавеской, но едва ли все эти радости жизни можно было оценить сейчас»; «рассвело, пели птицы. Листочки совсем молодые, витамины для глаз, и посидевшие от холода» [Там же, с. 29]. Кладбищенский лес во время пребывания друзей в посёлке уютно заливает солнце, а во время побега он как будто застывает, в нём «ужасно холодно» и «сумрачно», «тут и там встречались давние следы, – и эта брошенность, покинутость человеком места была, пожалуй, страшнее всего. То закрученный трос, оглушительно ржавый, буквально вросший в землю, уходящий туда, как корень. То особый кладбищенский хлам» [Там же, с. 29-30].

Время в кладбищенском крае будто остановилось, ему писатель часто даёт самые разные характеристики: «сжигание времени», стучит «лом-метроном», «одуряющая монотонность», «предынсульное время», «все здешние утра одинаковы» и т.д. Ближе к финалу повести автор начинает оперировать такими временными понятиями как «память» и «забвение», которые соединяют застывшее время и однообразное пространство, жизнь, похожую на смерть. И всё же только на кладбище неестественно празднично, оно расписано «онкологическими» красками, и в этом уродливом пространстве «выгорают» чувства человека.

Итак, подводя итоги, хочется заметить, что проза И. Савельева сегодня, чьё творчество отмечено литературными премиями, вызывает прочный интерес как уфимской, так и российской читательской аудитории, глубокий интерес коллег по литературному цеху, литературных критиков [1; 2; 4; 5; 6].

Создавая в повести «Гнать, держать, терпеть и видеть» «царство мёртвых», изображая особенности существования кладбищенского посёлка Лодыгино, уфимский прозаик тесно переплетает реальное и нереальное, живое и мёртвое. Создаёт картину мира, которая строится с помощью неподвижного, зимнего, городского и «деятельного», весеннего, кладбищенского пространств. Вывод писателя очевиден. Наш мир – кладбище разрушенных судеб и надежд, в котором даже любовь не в силах противостоять смерти. Неслучайно Ева, чьё имя вызывает в тексте ряд библейских ассоциаций, терпит поражение в борьбе за жизнь и свободу любимого. Точный распорядок дня, выполнение определённых обязанностей жителями Лодыгино – слабое подобие настоящей жизни. Но и страстному желанию молодых людей разорвать круг, вырваться из замкнутого, со строго очерченными границами мира не дано осуществиться.

Безусловно, «Гнать, держать, терпеть и видеть» – произведение, в котором есть претензия на подтекст, и это радует. Правда, он не так глубок, как хотелось бы. Уфимский писатель, публицист И. Фролов относит это произведение вместе с рассказом «Домик в чугунном загончике» к лучшим текстам И. Савельева: «Кстати, сам сюжет — Гнать, держать...» весьма аллегоричен именно в отношении к савельевской Теме, – мёртвый герой пытается убежать из царства мёртвых в царство живых, но граница не пускает, – пересекая её, попадая в Жизнь, герой умирает, хотя в своём мёртвом мире он живёт» [3, с. 114-115].

Стремясь сказать читателю о безысходности, зияющей пустоте, в которой существует молодое (и не только, вспомним Кузьмича, бабу Машу) поколение, И. Савельев увлекается «замысловатостями» сюжета, прерывая его развитие историями: здесь (не совсем к месту) рассказ о фронтовой жизни Кузьмича, его побеге, он звучит искусственно; о финале жизни лубочной бабы Маши, воплощающей вселенский образ всех гонимых, убогих старушек России. Но, несмотря на это, повесть «Гнать, держать, терпеть и видеть» – удача молодого писателя.

Список литературы

1. **Богатов М.** По ту сторону воды [Электронный ресурс] // Октябрь. 2006. № 9. URL: <http://magazines.russ.ru/october/2006/9/> (дата обращения: 1.06.2013).
2. **Габбасов Р.** Необъяснимая серьёзность бытия // Гипертекст. 2012. № 19. С. 35-40.
3. **Гамбургский счет:** обсуждение повести Игоря Савельева "Женщина старше" // Бельские просторы. 2011. № 11. С. 114-120.
4. **Орехов Б.** Бледный «Бледный город» // Гипертекст. 2004. № 1. С. 17-18.
5. **Орехов Б.** Взгляд на уфимскую литературу в 2006 году (первое полугодие) // Гипертекст. 2006. № 6. С. 32-37.
6. **Прокофьева И. О.** «Племя младое, незнакомое» в повести И. Савельева «Бледный город» // Актуальные вопросы теории и практики филологических исследований: материалы III международной научно-практической конференции. Прага, 2013. С. 214-219.
7. **Савельев И.** Гнать, держать, терпеть и видеть // Новый мир. 2007. № 1. С. 8-33.

LAND OF THE DEAD, CEMETERY OF DESTROYED FATES AND HOPES IN STORY –CHASE, HOLD, BEAR AND SEE” BY I. SAVEL'EV

Prokof'eva Irina Olegovna

*Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmulla
kazahenko2010@mail.ru*

The author analyzes the story of Ufa talented writer Savel'ev –“Chase, hold, bear and see”, in which a young novelist connects the pictures of real and unreal world, the living and the dead, creates a paradoxical space where there is no any movement, and the time stops; in this regard determines the features of the plot and composition, the image system and the system of motives, the system of methods and biblical associations used by the novelist in the story, and reveals the ideological and aesthetic originality of this work of art.

Key words and phrases: system of images; system of motives; biblical associations; originality of space and time.